

73 (47)
3 435

П. П. ВИКТОРОВЪ.

Алексию Федоровичу Орфину
в знак глубокаго уваженія
и неизменной стараніи
отъ автор.

4 20 / 02
11

ЖИВЫЕ ВОПРОСЫ

ТЕКУЩЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ.

1. Нравственное переутом-
леніе учащихся въ муж-
скихъ и женскихъ гимна-
зіяхъ.	эстетическаго воспита-
нія.
2. Органическія основы	3. Къ психологійи возрожда-
ющихся литературныхъ
направленій.

Изданіе О. И. Мошкиной.

МОСКВА,

Художественная типографія, Н. И. Ге, Арбатъ, д. 26.

1901 г.

Н. П. ВИКТОРОВЪ.

ЖИВЫЕ ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ.

ПРОВЕРКА 1935 г.

1. <i>Нравственное переутомление учащихся въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ.</i> 2. <i>Органическія основы</i>		<i>эстетическаго воспита-нія.</i> 3. <i>Къ психологіи возрождающихся литературныхъ направленій.</i>

Изданіе О. И. Мошкиной.

КАТАЛОГ

МОСКВА,
Художественная типографія, Н. И. Ге, Арбатъ, д. 26.
1901 г.

В КИП

Проверено 1935

Дозволно Цензурою, Юля 9 дня, 1901 г, Москва.

82054

~~БИБЛИОТЕКА~~

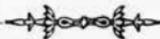
Высшего Коммунистического
Института Просвещения

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Живые вопросы текущей современности“ — подь этимъ заглавіемъ мы намѣрены отъ времени до времени давать группы очерковъ по наиболѣе выдающимся вопросамъ общественной жизни, науки, литературы, искусства, школьнаго и университетскаго образованія и воспитанія. Очерки эти предназначаются для широкаго круга образованныхъ читателей и трактуютъ вопросы очереднаго характера въ той послѣдовательности, какъ выдвигаетъ ихъ сама жизнь.

Наряду съ этимъ мы намѣрены выпускать такими же группами, другую серію: „Очерки по психологій искусства, художественнаго творчества и критики.“ Эта вторая серія отличается болѣе спеціальнымъ характеромъ и иной постановкой вопросовъ, трактуемыхъ въ зависимости не отъ требованій минуты, а отъ ихъ внутренней, логической связи и послѣдовательности. Тѣмъ не менѣе и эта серія будетъ отвѣчать живымъ потребностямъ образованныхъ умовъ, по возможности внося новыя точки зрѣнія на предметъ.

Первый выпускъ второй серіи уже находится въ печати.

Нравственное переутомленіе учащихся въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ.

I.

Умственное переутомленіе и переутомленіе нравственное по справедливости признаются въ настоящій моментъ самыми большими вопросами современной школьной системы. Къ сожалѣнію, научное, строго объективное обслѣдованіе того и другого изъ названныхъ вопросовъ находится далеко не въ одинаковыхъ условіяхъ. Въ то время, какъ по первому изъ нихъ существуетъ не только цѣлый рядъ наблюденій, но и лабораторныхъ, опытно-психологическихъ работъ, по второму приходится довольствоваться, главнымъ образомъ, наблюденіями и лишь косвенно пользоваться данными опытной психологіи. Въ самомъ дѣлѣ утомленіе отъ умственной работы сравнительно легко воспроизводится въ условіяхъ лабораторной обстановки, стоитъ только экспериментируемаго субъекта заставить продѣлывать умственное напряженіе того или другаго рода, считать въ умѣ, рѣшать математическія задачи, заучивать на память слова и цѣлыя фразы, писать на заданныя темы и проч., и одновременно регистрировать соотвѣтствующія фізіологическія измѣненія въ организмѣ на особо устроенныхъ для этой цѣли приборахъ въ связи съ психологическимъ обслѣдованіемъ и діагнозомъ. Съ новѣйшими оригинальными работами этого рода, а также съ обстоятельными обзорами литературы предмета, куда заносятся между другими и труды русскихъ авторовъ, интересующіеся легко могутъ ознакомиться на страницахъ Психологическаго Ежегодни-

ка (*L'Année psychologique*), превосходнаго журнала, начавшаго выходить съ 1894 г. подъ редакціей Альфреда Бине, директора Психофизиологической лабораторіи въ Сорбоннѣ, при непосредственномъ сотрудничествѣ Бони и Рибо. Напротивъ научно-опытныя данныя по вопросу о нравственномъ переутомленіи весьма скудны и понятны почему. Нравственное переутомленіе связано съ дѣйствиємъ угнетающихъ чувствъ душевныхъ волненій, эмоцій, аффектовъ, каковы страхъ, замѣшательство, печальное настроеніе, разочарованіе, напряженное ожиданіе въ томъ особенномъ видоизмѣненіи этихъ чувствованій, когда они проистекають изъ мотивовъ чисто нравственнаго характера и могутъ быть сведены къ скрытой формѣ опасенія и предожиданія угрозы какъ нашему собственному существованію, такъ и благополучію близкихъ намъ лицъ. Само собой разумѣется, что эти особенныя условія для лабораторной обстановки не подходящи, а если бы кто изъ изслѣдователей и отважился на нихъ, то наврядъ-ли эксперименты этого рода были бы симпатичны, желательны и гуманны. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ поименованныхъ чувствованій, какъ напр., страхъ, напряженное ожиданіе возможно воспроизводить и въ лабораторной обстановкѣ сравнительно невинными средствами, внезапнымъ, неожиданнымъ, или, напротивъ, ожидаемымъ стукомъ, гипнотическимъ внушеніемъ и проч. Но будучи лишены связи съ реальными нравственными мотивами, это будутъ уже не совсѣмъ тѣ чувствованія, которыя насъ интересуютъ. Остаются еще наблюденія надъ лицами, заболѣвшими подъ вліяніемъ угнетающихъ чувствъ и аффектовъ, но это будутъ лишь наблюденія, а наблюденія, не смотря

на всю ихъ цѣнность, всетаки не могутъ равняться по своей объективности эксперименту. Однимъ словомъ, при научномъ обслѣдованіи явленій этого рода, мы остаемся въ концѣ концовъ при болѣе или менѣе косвенныхъ данныхъ.

Какъ бы то ни было, но и этихъ косвенныхъ данныхъ, по которымъ мы могли бы болѣе или менѣе безошибочно судить о дѣйствии нравственнаго переутомленія, достаточно накопилось въ наукѣ; такъ прежде всего мы довольно освѣдомлены о вліяніи на организмъ угнетающихъ чувствъ самихъ по себѣ, все равно по какимъ бы мотивамъ они не возникали. Продолжительное дѣйствіе печальнаго аффекта, какъ извѣстно, ослабляетъ организмъ, вызываетъ блѣдность, малокровіе, упадокъ питанія, нравственное безучастіе ко всему; страхъ въ болѣе острой формѣ не только ослабляетъ отправление организма, но подчасъ и прямо ихъ парализуетъ; дѣйствіе разочарованія, тоже, что и печали, только безъ особенной блѣдности покрововъ; замѣшательство аналогично страху, но съ прибавкой растерянности въ движеніяхъ; напряженное ожиданіе тоже аналогично страху только по дѣйствию на внутреннія, а не наружныя мышцы. Внѣшняя картина и внутреннее дѣйствіе на организмъ этихъ аффектовъ подробно описаны, согласно новымъ научнымъ взглядамъ, въ извѣстныхъ трудахъ Мейнерта, Ланге, Джемса, Моссо, Бине и др., а также въ моей книгѣ „Ученіе о личности“, примкнувшей къ новымъ взглядамъ гораздо ранѣе, нежели, напр., это сдѣлалъ Рибо. Прибавьте къ этому глубокое разстройство всей растительной экономіи организма, засореніе, отягченіе послѣдняго ненормальными продуктами подавленной и угнетенной жизнедѣятельности тканей, нѣчто вро-

дѣ самоотравленія, аутоинтоксикаціи и вы получите представленіе о томъ, что такое нравственное переутомленіе въ физическомъ смыслѣ слова, такъ какъ оно возникаетъ, согласно всему сказанному выше, изъ сочетанія нравственныхъ мотивовъ съ болѣзненнымъ дѣйствіемъ тяжелыхъ аффектовъ и, въ концѣ концовъ, есть нѣчто иное, какъ своего рода эмоціональное переутомленіе (переутомленіе отъ тяжелыхъ чувствъ), возникающее на почвѣ постоянныхъ нравственныхъ опасеній за свою участь.

Мы сочли необходимымъ сдѣлать это небольшое теоретическое вступленіе, чтобы освѣтить до нѣкоторой степени самый путь къ правильной оцѣнкѣ того практическаго вопроса, котораго намъ предстоитъ здѣсь коснуться. Такимъ образомъ намъ остается лишь спросить, какого рода удручающіе аффекты возможны въ школьной средѣ и по какимъ мотивамъ они здѣсь возникаютъ.

Какъ извѣстно дѣтскій возрастъ преимущественно склоненъ подвергаться аффектамъ и эмоціямъ всякаго рода уже въ силу особой нѣжности и впечатлительности своей нервной организаци, а изъ дѣтей въ особенности склонны къ этому дѣвочки. ¹⁾ Вотъ мы и начнемъ съ женскихъ учебныхъ заведеній въ надеждѣ встрѣтить и изучить интересующее насъ явленіе въ болѣе выпуклой и, такъ сказать, демонстративной формѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ мы сразу станемъ на твердую фактическую почву, которая, давъ намъ отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ,

¹⁾ Вопросъ объ эмоціяхъ въ дѣтскомъ возрастѣ имѣетъ въ настоящее время обширную литературу. Наиболѣе извѣстныя работы принадлежатъ Дарвину, Прейеру, Компейре, Бине, Балдуину и др. Подробная литература предмета будетъ указана нами во второмъ выпускѣ «Ученія о личности», въ главѣ объ эмоціяхъ у дѣтей.

всего вѣрнѣе дастъ намъ указанія на возможность приближенія къ желательнымъ практическимъ цѣлямъ, которыя, безъ сомнѣнія, всего болѣе и должны привлекать насъ въ данномъ случаѣ.

II.

Вотъ что пишетъ мнѣ по вопросу о нравственномъ переутомленіи въ средней женской школѣ одна изъ моихъ корреспондентокъ, слово которой заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что оно есть живой голосъ матери и исходитъ отъ образованной женщины. „Теперь, когда великое значеніе русской образованной женщины, какъ матери и воспитательницы настоящаго и будущихъ поколѣній, вполне выяснилось, такъ что общество и само правительство идетъ навстрѣчу высшему женскому образованію, вполне своевременно коснуться вопроса о нравственномъ переутомленіи дѣвочекъ, учащихся въ средней школѣ. Вопросъ о переутомленіи вообще часто возбуждался въ печати и обществѣ, въ педагогическихъ и другихъ спеціальныхъ журналахъ. Много писалось и говорилось, и многое уже сдѣлано въ этомъ направленіи, но вопросъ о нравственномъ переутомленіи учащихся оставался какъ то мало затронутымъ. Мы ясно представляемъ себѣ физическое и умственное переутомленіе нашихъ дѣтей: оно выражается въ усталости, ослабленіи вниманія, вялости, невольной лѣности, отсутствіи аппетита, разстройствѣ сна и другихъ, уже чисто медицинскихъ признакахъ вялой формы нейрастеніи. Напротивъ нравственное переутомленіе не даетъ такой, легко опредѣляемой картины, тѣмъ не менѣе оно дѣйствуетъ столь же, если не болѣе разрушительно на организмъ и психическую личность ребенка.

Размѣры письма не даютъ мнѣ возможности разбирать этотъ вопросъ болѣе подробно, да это и не моя цѣль. Я хотѣла бы дать только матеріаль для сужденія о нравственномъ переутомленіи, повторяю, учащихъ дѣвочекъ въ средней школѣ и съ этою цѣлю представить въ короткихъ и яркихъ образахъ въ частности положеніе воспитанницъ въ нѣкоторыхъ женскихъ гимназіяхъ и тѣ условія, которыя являются причиной нравственнаго переутомленія у нихъ. Какъ извѣстно, каждая личность представляетъ свои особенныя черты; эта-то индивидуальность, понимаемая въ накопленіи не какихъ либо уродливыхъ, а лучшихъ свойствъ ума и природнаго темперамента, можетъ быть, всего болѣе и двигаетъ человѣчество впередъ по пути цивилизаци и прогресса, при условіи, конечно, нормальнаго развитія этого дара природы, но отнюдь не уничтоженія его въ каждой отдѣльной личности. Но не такъ, повидимому, смотрятъ на этотъ предметъ воспитательницы въ нашей средней женской школѣ и въ частности въ нѣкоторыхъ женскихъ гимназіяхъ. Первое, — съ чего онѣ начинаютъ, какъ только дѣвочка десяти, одиннадцати лѣтъ поступаетъ къ нимъ на руки, — это какое то необъяснимое стремленіе стерѣть, уничтожить всякое сколько-нибудь живое, свободное проявленіе вообще личности и ея особенностей. Съ первыхъ же дней своего вступленія въ школу дѣвочка не смѣетъ ни засмѣяться, ни пробѣжать по корридору, или классной комнатѣ, ни сдѣлать лишняго жеста, ни даже поцѣловать свою подругу. Ея нравственное воспитаніе начинается съ обученія дѣлать реверансы передъ классной дамой, причемъ эти упражненія часто кончаются слезами, такъ какъ классная дама по большей части бываетъ

раздражительна. Но чѣмъ дальше, тѣмъ дѣла идутъ хуже. Малѣйшій промахъ въ обращеніи и отступленіе отъ общепринятаго шаблона нравственной приращенности и трусливой забитости, принимаемыхъ нѣкоторыми за признаки почтительности и уваженія къ начальству, немедленно отражаются на отмѣткахъ изъ поведенія, которыми, какъ извѣстно, неограниченно распоряжаются классныя дамы, или „воспитательницы“, какъ ихъ официально именуютъ; причемъ весь педагогическій совѣтъ, съ начальницей во главѣ, почему то долженъ поддерживать ихъ компетенцію и престижъ; въ противномъ случаѣ, еслибы кто-либо изъ преподавателей, съ болѣе гуманнымъ взглядомъ на дѣло, рѣшился защитить свою ученицу, начальница неизмѣнно становится на сторону „воспитательницъ“ и преподаватель рискуетъ неприятностями по службѣ. Если родители осмѣливаются освѣдомиться, какой проступокъ совершила ихъ дочь, чтобы заслужить дурной баллъ изъ поведенія,—между тѣмъ какъ она одна изъ лучшихъ ученицъ въ классѣ,—имъ отвѣчаютъ на это, что, конечно, ихъ дочь не сдѣлала ничего безнравственнаго, но, что такова воля классной дамы, которая знаетъ, за что поставила ей дурную отмѣтку. И это не исключительные какіе либо случаи, а почти общее правило для всякой лучшей ученицы, если она въ силу своихъ нравственныхъ достоинствъ и особенностей не успѣла во время принизиться и заручиться благосклонностью классной дамы. А такихъ всегда найдется въ классѣ нѣсколько. Чѣмъ индивидуальнѣе дѣвочка, чѣмъ рѣзче она проявляетъ свою оригинальность, чѣмъ болѣе въ ней особенностей ума, способностей, нравственнаго характера, тѣмъ ожесточеннѣе преслѣдуетъ ее классная дама.

Тогда всякое движеніе является проступкомъ, за который классная дама въ своей записной книжкѣ ставитъ символическій знакъ передъ фамиліей провинившейся; изъ этихъ таинственныхъ знаковъ составляетъ четверка, или даже злополучная тройка изъ поведенія въ каждой четверти, которую никакія слезы и мольбы не могутъ уничтожить и которая безусловно сводитъ къ нулю всѣ сдѣланные за то же время въ ученіи успѣхи. Послѣдніе не принимаются во вниманіе на столько, что даже блестящую ученицу, если у нея изъ поведенія четверка, или тройка безусловно лишаютъ награды и оставляютъ на дурномъ счету. Ученица, пользующаяся антипатіей у одной классной дамы, уже въ силу традиціи переноситъ на себѣ это клеймо и въ слѣдующіе классы, вплоть до окончанія гимназій; такъ что въ концѣ концовъ для нея является совершенно невозможнымъ выйти изъ заколдованнаго круга четверокъ и троекъ въ поведеніи. Но этого мало: опытъ указываетъ, что нерѣдко классныя дамы нуждаются въ сильныхъ ощущеніяхъ. И вотъ тогда то нелюбимая воспитанница по преимуществу является объектомъ для экспериментовъ этого рода. Одна изъ дамъ любитъ, напр., разыгрывать мелодраму, вслѣдствіе чего терзаетъ весь классъ настоящими „раздирательными“ сценами, результатомъ которыхъ являются сильнѣйшее нравственное утомленіе и слезы ученицъ, а какъ финалъ всего—сбавленіе отмѣтки изъ поведенія у большинства, и у нелюбимыхъ ученицъ особенно. Другая занимается тѣмъ, что по цѣлымъ часамъ изо дня въ день, бѣгаетъ за какой—нибудь воспитанницей, прическа которой почему либо ей не нравится. Занятіе этого рода мало по малу обращается у нея въ настоящую манію; ника-

кая прическа у злополучной ученицы не кажется ей достаточно гладкой, нигдѣ и никогда не оставляет она ее въ покоѣ. Она начинаетъ прямо таки галлюцинировать и во всякой, сколько-нибудь неприлизанной прическѣ, ей мерещится какой то „ореоль“. Третья не можетъ выносить взгляда нелюбимой ученицы, отсаживаетъ ее подальше, мотивируя это своей нервною; а нѣкоторымъ серьезно говорить, что ихъ нужно лѣчить, что онѣ сумашедшія. Запрещаетъ имъ ходить и разговаривать съ подругами, чѣмъ приводитъ теперь уже взрослыхъ дѣвушекъ въ положительное отчаяніе. Наконецъ, есть и такіе классныя дамы, которыя не выносятъ того, какъ ученицы пьютъ воду... Встрѣчаются далѣе въ гимназіяхъ такія „воспитательницы“, которыя почему то огульно смотрятъ на ученицъ, какъ на безнравственный, нежелательный элементъ и потому ставятъ себѣ цѣлью ихъ нравственное исправленіе; задерживая ученицъ послѣ классовъ, они читаютъ имъ, на голодный желудокъ, притчи о смоковницахъ, за которыми сначала ухаживаютъ, но не видя результата, поѣдаютъ, какъ худое дерево. Понятно онѣ продѣлываютъ все это не въ силу истинно воспитательныхъ задачъ и гуманнаго отношенія къ учащимся, а въ силу того, что большей частью сами ненормальны, ненавидятъ всякое проявленіе жизни и красоты въ юныхъ существахъ. Жизнь не наполнена у пожилой и озлобленной классной дамы, по большей части старой дѣвицы; любви нѣтъ въ ея давно заглохшемъ сердцѣ, а передъ глазами между тѣмъ столько жизни, непосредственнаго чувства, искренняго смѣха, иллюзій и надеждъ на грядущее счастье. Воспитательница не понимаетъ ни психологии, ни красоты этой разцвѣтающей жизни. Въ-

сто того, чтобы поддержать эту жизнь и только придать ей симпатичныя нравственно-общественныя формы, устраняя эгоистическія проявленія и внушая побольше альтруистическихъ чувствъ, она предубѣжденно-злобно косится на эту жизнь, стараясь омертвить все, къ чему прикоснется, какъ рука смерти. Въ этомъ холодномъ и бездушномъ стремленіи, еще разъ повторяю, горе намѣченной, выдающейся жертвѣ. Воспитательница не спускаетъ съ нея глазъ и не устаетъ слѣдить за нею, за ея малѣйшими движеніями. Не только костюмъ, прическа и, Боже избави, какія-нибудь невинныя оборки и мнимыя „ореолы“ на головѣ безжалостно истребляются,—подвергается строгой критикѣ жесты, походка, выраженіе лица и даже глазъ. Классная дама стремится открыть въ ней всевозможныя пороки; для этой цѣли она не брезгуетъ даже и сплетнями. За малѣйшее отступленіе отъ гимназическихъ правилъ жертва строго наказывается. За то, что она громко разговариваетъ по окончаніи уроковъ, ее оставляютъ на цѣлый часъ, доводятъ до обморока длиннѣйшими нравоученіями. Каждый день она слышитъ подробное перечисленіе своихъ пороковъ, ихъ такъ много, что она теряется, она начинаетъ плакать, она уничтожена. Она боится сдѣлать лишній шагъ, боится встрѣчи съ классной дамой на улицѣ, въ театрѣ; она начинаетъ ее ненавидѣть. Кому она скажетъ объ этомъ, кто ей повѣритъ? Кто повѣритъ, что уважаемая гимназіей, заслуженная воспитательница занимается систематическимъ преслѣдованіемъ ученицъ? И все это происходитъ изъ года въ годъ на глазахъ у всѣхъ, а классныя дамы въ нѣкоторыхъ, напр., столичныхъ женскихъ гимназіяхъ служатъ чуть ли не по 20-25 лѣтъ и

ужь никакъ не менѣе 15. Между тѣмъ какъ въ тѣхъ же столицахъ множество истинно гуманныхъ, образованныхъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, посвятившихъ себя педагогической дѣятельности, которыя съ любовію готовы были бы приложить свои силы къ этому дѣлу и которымъ матери и отцы съ полнымъ довѣріемъ могли бы поручить воспитаніе своихъ дочерей. Но время идетъ впередъ. Всякія средства борьбы истощаются, да и возможна ли борьба при такихъ условіяхъ! Дѣвочка вырастаетъ и становится дѣвушкой; она начинаетъ сознательнѣе относиться къ жизни и тутъ уже въ свою очередь озлобляется противъ классовыхъ дамъ, или же махаетъ рукой на все, теряетъ всякій интересъ къ ученію, гимназій и подругамъ, мечтая лишь объ одномъ, какъ бы поскорѣе избавиться отъ этой каторги. Но это болѣе здоровыя, въ которыхъ еще не истреблены ни нравственное достоинство, ни умственные силы. Есть однако нервныя, впечатлительныя натуры, на душу которыхъ тяжелые годы школьной жизни кладутъ неизгладимый отпечатокъ; онѣ мало по малу начинаютъ какъ бы поддаваться по истинѣ безнравственнымъ внушеніямъ классовыхъ дамъ, теряютъ вѣру въ себя и впрямь готовы считать себя дурными, испорченными, негодными. Руки у нихъ опускаются и нужно много времени, любви и деликатности по отношенію къ этимъ, нравственно переутомленнымъ дѣвушкамъ, прежде нежели онѣ отдышатся и снова увѣруютъ въ себя. Да и отдышатся ли, увѣруютъ ли?“

Довольно казалось бы, и этой картины, наглядно рисующей подъ перомъ моей корреспондентки состояніе нравственнаго воспитанія, или вѣрнѣй нравственнаго калѣченія въ средней женской школѣ.

Но за общей картиной, по необходимости впадающей и въ обобщеніе, остаются примѣры и факты и, какъ многимъ изъ насъ извѣстно, факты весьма некрасиваго свойства.

Ш.

Вопросы нравственнаго переутомленія въ средней мужской школѣ, въ частности въ мужскихъ гимназіяхъ, само собою разумѣется, должны отличаться инымъ характеромъ и проявляться въ другихъ формахъ. Уже одно то, что на образованіе дѣвочекъ и дѣвушекъ до сихъ поръ смотрятъ, какъ на что-то прибавочное, какъ на своего рода украшеніе,— тогда какъ для мальчиковъ и юношей образованіе есть все,—напередъ предполагаетъ огромную разницу въ отношеніи тѣхъ сторонъ нервно-психической личности учащихся, которыя наиболѣе будутъ подвергаться переутомленію у однихъ и наименѣе у другихъ.— Съ другой стороны, помимо природенной разницы въ нервно-психической организаціи дѣтей того и другого пола, на различіе въ формахъ нравственнаго переутомленія у нихъ, за время пребыванія въ средней школѣ, не малое вліяніе окажетъ и самое различіе пола ихъ воспитателей, со всѣми проистекающими отсюда дальнѣйшими различіями темперамента, характера, образованія и общественнаго положенія послѣднихъ. Такъ въ мужскихъ гимназіяхъ прежде всего нѣтъ никакихъ „старыхъ дѣвъ“ и потому сразу выпадаетъ вся та ненормальная, нервная раздражительность, съ которой мы уже познакомились и которая вноситъ этотъ специфическій элементъ въ дѣло нравственнаго воспитанія дѣвочекъ. Въмѣсто многочисленныхъ „наставницъ“—громкая пре-

тензія на неподобающій титуль, по крайней мѣрѣ, при данныхъ обстоятельствахъ,—одинъ или два надзирателя, роль которыхъ гораздо болѣе] ограничена и de facto сводится къ наблюденію за [внѣшнимъ порядкомъ и дисциплиной.— Правда и надзиратель косвенно участвуетъ въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія мальчиковъ, доводя до свѣдѣнія начальства о тѣхъ, или другихъ проступкахъ учениковъ и вліяя такимъ образомъ на отмѣтку изъ поведенія, но, какъ извѣстно, надзиратель, каковы бы ни были его личныя симпатіи и антипатіи,— а они бывають,— контролируется въ мужскихъ гимназіяхъ класснымъ наставникомъ. Классный же наставникъ, какъ-ни-какъ, университетскій человѣкъ и если онъ достаточно уменъ и не мелочень по природѣ, то уже въ силу извѣстной традиціи и нравственныхъ преимуществъ, сообщаемыхъ высшимъ университетскимъ образованіемъ, будетъ стоять выше той тины неосмысленныхъ придираТЕЛЬствъ и преслѣдованій, въ которую по уши погружаются воспитательницы женскихъ учебныхъ заведеній. Иное дѣло, если классный наставникъ личность не высокаго нравственнаго и умственнаго уровня, „человѣкъ въ футлярѣ“, какъ остроумно выразился талантливый беллетристъ, бюрократъ или мѣтящій въ бюрократы, равно прислуживающійся и къ духу времени и къ высшему начальству. Тогда и въ мужскихъ гимназіяхъ возможны приемы нравственнаго воспитанія вродѣ описанныхъ и даже въ извѣстномъ смыслѣ, гораздо болѣе худшіе по своимъ послѣдствіямъ для нравственнаго достоинства и формированія нравственной личности учениковъ, какъ будущихъ дѣятелей общества и государства. Тоже, что о классномъ наставникѣ можно сказать и объ остальныхъ преподава-

теляхъ, по скольку они, не ограничиваясь своимъ прямымъ дѣломъ, задаются еще цѣлями нравственнаго воздѣйствія на учениковъ. Тѣ же самыя сужденія, только въ иныхъ размѣрахъ, примѣнимы къ оцѣнкѣ нравственной роли и административнаго персонала средней школы, начиная съ инспекторовъ и кончая директорами гимназій. Худшіе люди оказываютъ худшее вліяніе, лучшіе-лучшее, чему не мало можно бы было указать примѣровъ въ прошломъ и настоящемъ нашей средней школы. Далѣе мы встрѣчаемся съ общей правительственной системой въ дѣлѣ воспитанія и нравственнаго руководства юношества,—вопросъ, не входящій въ сферу нашего обсужденія. Замѣтимъ только, что историческій опытъ, какъ западно-европейскихъ государствъ, такъ и нашего отечества, неоднократно подтверждалъ, что чѣмъ человѣчнѣе, чѣмъ гуманнѣе образовательно-воспитательная система, тѣмъ больше формируется нравственно независимыхъ, но вмѣстѣ и вполне честныхъ характеровъ, которые, если отдаютъ свои силы на служеніе интересамъ государства, то дѣлаютъ это по свободнымъ побужденіямъ безъ лицемѣрія и корыстныхъ расчетовъ.

Напротивъ, чѣмъ ближе образовательно воспитательная система къ отрицательному идеалу умственной приниженности, безсловестности, забитости, тѣмъ болѣе вырабатываются личности благонамѣренныя и приличныя только по виду, въ сущности же черствыя, циничныя и чуждыя всему, что, такъ или иначе, не связано съ ихъ эгоистическими интересами;—типы людей, компрометирующихъ и стѣсняющихъ въ концѣ концовъ само правительство.

Намъ хотѣлось бы еще обратить здѣсь вниманіе и освѣтить не только съ практической, но по-

возможности и съ научной стороны тѣ осложненныя, комбинированныя формы нравственнаго переутомленія, которыя близко граничатъ съ умственнымъ переутомленіемъ и которыя по преимуществу имѣють мѣсто въ нашей мужской средней школѣ и главнымъ образомъ въ классическихъ гимназіяхъ. Это именно тѣ формы нравственнаго переутомленія, которыя происходятъ отъ необходимости производить умственную работу при вмѣшательствѣ нежелательнаго эмоциональнаго элемента. Объ этихъ формахъ и скажемъ нѣсколько словъ.

Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ еще нерѣдко встрѣчались въ провинціи директора гимназій, архаическіе типы.—Нужно было видѣть, какъ эти господа торжествовали, какіе принимали позы, какъ освѣжали репертуаръ традиціонныхъ начальныхъ выходокъ и приемовъ послѣ Толстовской реформы 71-го года. Результаты не замедлили сказаться. Честные, правдивые голоса лучшихъ учителей, проникнутыхъ свѣтлыми идеями освободительной эпохи, какъ то сразу потускнѣли, а затѣмъ мало по малу и совсѣмъ стали замолкать. Ученики старшихъ выпускныхъ классовъ, которые, благодаря близости той же эпохи, въ то время отличались большимъ умственнымъ развитіемъ и образованностью, невольнo стали въ оппозицію; начались скрытыя и даже прямо открытыя столкновенія и прежде всего на почвѣ нравственнаго оскорбленія учащихся. Дальнѣйшее извѣстно: духъ новой системы, нашедшей послушное орудіе въ насажденіи того уродливаго формально-грамматическаго классицизма, который не имѣеть ничего общаго съ классицизмомъ гуманистовъ эпохи возрожденія, а также и съ подлиннымъ классицизмомъ самой древности, продолжалъ свое обез-

личивающее умственное и, нравственное дѣйствіе вплоть до нашихъ дней; и, надо сказать правду, въ значительной степени достигъ своей цѣли въ особенности въ средѣ позднѣйшихъ поколѣній. Но первое поколѣніе, съ которымъ онъ столкнулся, было поколѣніемъ 70-хъ годовъ: отсюда собственно и нужно начинать исторію того глубокаго, по временамъ, печально-трагическаго разлада, въ которомъ оказались учащіяся и общество съ одной стороны, школа и правительство—съ другой.

Но оставимъ эти общія сужденія и факты для спокойной и свободной оцѣнки которыхъ еще не настало время. Будущаго историка нашей эпохи поджидаетъ здѣсь огромный матеріалъ высокаго общественнаго значенія.

IV.

Мейнертъ на цѣломъ рядѣ превосходныхъ примѣровъ показалъ, что чѣмъ легче идетъ умственная работа ассоцірованія идей, тѣмъ болѣе сопровождается она радостнымъ чувствомъ облегченнаго существованія и, наоборотъ, чѣмъ затруднительнѣе она совершается, тѣмъ болѣе сопутствуетъ ей печальное сознаніе психической задержки. Не будемъ останавливаться на подробномъ объясненіи фізіологическихъ причинъ этого явленія. Достаточно сказать, что въ первомъ случаѣ, по Мейнерту, мы имѣемъ дѣло съ полнокровіемъ, усиленнымъ дыханіемъ и окисленіемъ клѣточныхъ элементовъ корковаго вещества головного мозга, съ тѣмъ, что на языкѣ фізіологовъ выражается однимъ словомъ апноэ; во второмъ случаѣ съ противоположнымъ состояніемъ—диспноэ клѣточныхъ элементовъ корковаго вещества. Доба-

вимъ развѣ еще, что теорія Мейнерта, подтверждается недавними экспериментами Дюма и въ пользу ея, а также однородныхъ съ нею теорій Ланге и Джемса, въ настоящее время высказывается большинствомъ передовыхъ психологовъ.

Теперь представьте себѣ, что какая-нибудь затруднительная умственная работа, сама по себѣ располагающая, какъ мы видѣли, къ тягостному аффекту, осложняется какимъ-либо побочнымъ элементомъ эмоціональнаго характера, напр., болѣе, или менѣе смутнымъ сознаниемъ того, что отъ успѣшнаго, или неуспѣшнаго ея выполненія зависитъ ваше благополучіе и надежды на будущее. А мы уже знаемъ, что всякое болѣе или менѣе смутное сознание и предожидание угрозы нашему существованію съ своей стороны располагаетъ къ аффектамъ тягостнаго характера. Очевидно, при введеніи этого новаго условія, выполненіе умственной работы еще болѣе затруднится и самое ассоціированіе идей можетъ оборваться на чувствѣ замѣшательства, страха и проч. Такова-то эта осложненная форма умственно-нравственнаго переутомленія, — моментъ переутомленія при всякомъ новомъ повтореніи чувствованій этого рода будетъ выступать все рѣзче и рѣзче, — значеніе которой для педагогической психологіи становится само собой понятнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не въ такомъ ли именно положеніи находится большинство учениковъ нашей средней школы и въ особенности учениковъ классическихъ гимназій при всякаго рода отвѣтахъ и экзаменахъ, латинскихъ и греческихъ экстемпораліяхъ? Прибавьте къ этому еще антипедагогическіе приемы нѣкоторыхъ преподавателей, позволяющихъ себѣ иногда издѣваться надъ слабыми учениками, и за-

страшивать ихъ, непременно ставить отмѣтки за всякій плохой отвѣтъ и умышленно забывать ставить отмѣтки, когда тотъ же ученикъ отвѣчаетъ хорошо. Не мудрено если на почвѣ именно этой формы переутомленія и всегда сопровождающей ее раздражительности, вырастаютъ прискорбныя явленія.

Мы исполнили нашу задачу, если намъ удалось опредѣлить, что такое нравственное переутомленіе, въ какихъ формахъ оно проявляется въ нашей средней школѣ и отъ какихъ ненормальныхъ условій зависитъ. Тѣхъ-же, кто не вполне удовлетворится нашими объясненіями, мы просимъ принять во вниманіе, что самый вопросъ о нравственномъ переутомленіи, какъ особенной психо-физиологической категоріи, впервые поднять нами въ литературѣ.

Органическія основы эстетическаго воспитанія.

Одна изъ самыхъ существенныхъ, самыхъ важныхъ, наиболѣе объективныхъ и потому наиболѣе убѣдительныхъ сторонъ эстетическаго воспитанія, это связь его съ органической почвой эстетически воспитываемаго человѣка, согласно современнымъ даннымъ опытной психологіи. Въ самомъ дѣлѣ если то, что мы называемъ эстетическимъ воспитаніемъ,—опредѣленіе понятія, что такое эстетическое воспитаніе въ научномъ смыслѣ, оставимъ пока въ сторонѣ,—проходитъ черезъ психію человѣка, и въ особенности юнаго человѣка, какъ легкокрылая тѣнь, не оставляя въ его органической индивидуальности ни малѣйшихъ слѣдовъ, то само собою, воспитательная педагогическая важность такого рода воздѣйствій и не существенна и малоцѣнна. Напротивъ, если эстетическое воспитаніе, захватывая и связывая между собою въ гармоническія соотношенія всѣ стороны человѣка—физическую, эмоціональную, нравственную и умственную, что неоспоримо доказываетъ современная научная эстетика—оставляетъ прочныя органическіе слѣды и такимъ образомъ въ нервно-психическихъ основахъ юнаго существа закладываетъ органическое зерно, изъ котораго вырастаетъ болѣе совершенная личность, то педагогическая важность эстетическаго воспитанія выступаетъ во всемъ своемъ серіозномъ значеніи.

Это и есть органическая основа эстетическаго воспитанія:—существенно важный вопросъ для современной педагогики, по возможности точному и сжатоу выясненію котораго мы посвящаемъ слѣ-

дующія страницы. ¹⁾ Эстетическое воспитаніе, какъ о томъ свидѣтельствуеть и самое слово эстетика, имѣетъ своимъ предметомъ область воспитанія чувствъ по преимуществу и притомъ тѣхъ чувствованій, которыя, начинаясь отъ естественныхъ ощущеній и впечатлѣній природы и окружающей жизни, путемъ художественнаго воспроизведенія восходятъ къ изящнымъ искусствамъ. Но такъ какъ самыя чувствованія начинаются съ ощущеній и затѣмъ переходятъ въ эмоціи и за тѣмъ въ конкретныя, окрашенные чувственнымъ тономъ, образныя представленія и идеи, то понятно, что воспитывать ощущенія, чувства, представленія, идеи значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ воспитывать и органы ихъ воспріятія и органы ихъ выраженія. Съ другой стороны, вслѣдствіе органической и психологической связи между ощущеніями, чувствами, образными представленіями и идеями, воспитывая изощрять и улучшать ощущенія значитъ одновременно изощрять и улучшать и чувствованіе и мышленіе; а слѣдовательно косвенно и самое хотѣніе,—волю, такъ какъ воля, согласно опытной психологіи, есть равнодѣйствующая мысли и чувства. „Развитіе способности къ ощущенію есть, слѣдовательно настоятельнѣйшая потребность времени, не только потому, что она дѣлается средствомъ заставить улучшенное мышленіе дѣйствовать въ жизни, но также

¹⁾ Въ этомъ отзѣтѣ мы, по возможности, старались представить резюме и нашихъ собственныхъ взглядовъ на эстетическое воспитаніе.

потому, что она побуждаетъ къ улучшенію мышленія“. Не думайте, что это говоритъ кто либо изъ представителей современной опытной эстетики, нѣтъ! Эти замѣчательныя слова сказаны Шиллеромъ въ его „Письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи человѣка“, болѣе ста лѣтъ тому назадъ:— не даромъ Шиллеръ по своему первоначальному образованію былъ врачомъ и натуралистомъ, прежде нежели выступить поэтомъ и философомъ. Къ сожалѣнію, эти замѣчательныя слова и вложенная въ нихъ мысль, еще до сихъ поръ не проникли, какъ слѣдуетъ, въ сознаніе воспитателей и педагоговъ.

И такъ, цѣль эстетическаго воспитанія съ органически—психологической точки зрѣнія, есть прежде всего изошреніе; улучшение органовъ чувственнаго воспріятія и конкретнаго, образнаго мышленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ изошреніе, улучшение, обогащеніе всей совокупности эмоціональной и вообще душевной жизни человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, неразвитое ухо эстетически не воспитаннаго человѣка не различаетъ въ шумахъ музыкальныхъ тоновъ, изъ пестрой, изломанной смѣси которыхъ состоятъ шумы; въ самихъ музыкальныхъ звукахъ оно не различаетъ ихъ сложнаго гармонически комбинированнаго характера,—каждый музыкальный звукъ есть какъ бы слитный аккордъ, состоящій изъ частныхъ тоновъ, откуда различіе въ окраскѣ, цвѣтности или тембрѣ звуковъ отдѣльныхъ музыкальныхъ инструментовъ, какъ это показалъ Гельмгольцъ. Такимъ образомъ ухо эстетически не воспитаннаго человѣка оставляетъ его чувство и умъ совершенно равнодушными къ тому богатству, которое заключаетъ въ себѣ каждое слуховое впечат-

тлѣніе, будь то звуки природы, звуки жизни, или звуки музыки, а, слѣдовательно, оно органически и психологически обдѣляетъ его личность и лишаетъ его средствъ къ участию въ одной изъ наиболѣе притягательныхъ формъ сочувственной, симпатической жизни съ природою, искусствомъ и другими людьми. Но тоже самое относительно глаза эстетически не воспитаннаго человѣка. Подобно тому, какъ эстетически не воспитанное ухо музыкально не воспримчиво, эстетически не воспитанный глазъ не воспримчивъ художественно. Правда, онъ видитъ свѣтъ и грубо различаетъ основные цвѣта и формы, но онъ совершенно равнодушенъ къ безчисленному множеству ихъ оттѣнковъ и гармоническихъ сочетаній, а также къ тѣмъ способамъ, какимъ все это получается; не улавливая этихъ оттѣнковъ, формъ и ихъ сочетаній, такой глазъ оставляетъ равнодушнымъ своего обладателя и къ тѣмъ отзвукамъ, которые вызываютъ въ чувствѣ и умѣ эстетически воспитаннаго человѣка его зрительныя отношенія къ природѣ, жизни, искусству. Въ результатъ и здѣсь органическое и психологическое обдѣленіе зрительными ощущеніями, чувствами, образами;—своего рода, какъ бы душевная слѣпота и лишеніе правъ на пониманіе той красоты, которая по всюду разлита въ видимымъ вещахъ, природѣ и разныхъ родахъ изобразительнаго искусства, и которая ведетъ еще къ большей общительности, по своей большей общедоступности, между людьми, нежели невидимая, но скорѣе только подозрѣваемая нами красота звуковъ и музыки. Въ свою очередь не составляетъ исключенія изъ этихъ законовъ органически-психологическаго развитія и поэзія. Основанная на звуковыхъ и зрительныхъ образахъ, она

тѣмъ обильнѣе черпаетъ изъ этого источника, чѣмъ болѣе развиты соподчиненныя ей ощущенія и чувства. Слѣдовательно, тотъ кто упражняется въ воспріятіи, воспроизведеніи и комбинированіи музыкальныхъ и зрительно-художественныхъ образовъ, тѣмъ самымъ упражняется и въ образахъ художественно-поэтическихъ. Фактъ этотъ эмпирически подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ геніальныхъ поэтовъ и крупныхъ писателей были одновременно, недурными музыкантами на какомъ-нибудь инструментѣ и рисовальщиками.

Если связь между развитіемъ органовъ чувствъ и самыми чувствованіями такъ очевидна, то не менѣе очевидна та связь, которая должна существовать между чувствованіями и развитіемъ всего человѣка. Начать съ установленнаго уже въ наукѣ факта, что дѣятельность того или другого изъ органовъ чувствъ неизмѣнно отражается на дѣятельности остальныхъ. Такъ дѣйствіе извѣстныхъ цвѣтовъ на глазъ повышаетъ воспримчивость къ звукамъ; съ другой стороны и зрѣніе и слухъ одинаково вліяютъ на тонкость и точность мышечнаго чувства. Въ свою очередь упражненіе мышечнаго чувства развиваетъ общую и спеціальную чувствительность. Нерѣдко эта связь и взаимодѣйствіе между органами воспріятія подтверждается на всѣмъ доступныхъ, обыденныхъ примѣрахъ. Такъ всякій внимательный наблюдатель можетъ повѣрить на себѣ, въ какой степени страдаютъ всѣ наши внѣшнія чувства—не одно зрѣніе—подъ вліяніемъ наступающей темноты: ощущенія становятся замедленными, расплывчатыми, неточными;—въ частности въ темнотѣ особенно страдаютъ мышечное чувство, обоняніе и вкусъ. Наука пополняетъ самонаблюденіе еще болѣе интерес-

ными фактами другого порядка. Дѣйствіе внѣшнихъ ощущеній отражается кромѣ чувствительности ещё на двигательной энергіи и жизнедѣятельности всего организма. Такъ можно подобрать извѣстнымъ образомъ скалу ощущеній, начиная съ низшихъ и кончая высшими, одна часть которой будетъ усиливать или порождать энергію движенія въ частныхъ и общихъ системахъ организма, другая—ослаблять ее или задерживать. Это ученіе о динамогеніи, раскрытое цѣлымъ рядомъ ученыхъ съ Броунъ-Секаромъ во главѣ, далеко не ограничивается спеціальной областью фізіологическихъ и медицинскихъ приложений; оно уже принято эстетиками опытнаго направленія и, какъ все касающееся природы чловѣка, должна глубоко заинтересовать педагоговъ. Въ самомъ дѣлѣ ученіе о динамогеніи нужно понимать такъ, что посредствомъ ощущеній можно повысить или понизить чувствительность и жизнедѣятельность не только физическаго организма, но и организма психическаго, т. е. воспріимчивость и жизнедѣятельность самой личности. Педагогическая важность этого ученія въ цѣляхъ эстетическаго воспитанія станетъ для насъ еще болѣе очевидной, если мы припомнимъ сказанное выше, что всѣ изящныя искусства, не исключая и поэзіи, основываются въ своемъ исходномъ моментѣ на ощущеніяхъ и къ этому добавимъ, что законъ динамогеніи съ ощущеній одинаково распространяется и на эмоціи и на идеи; кромѣ того имѣетъ тѣсное соотношеніе къ элементамъ прекраснаго въ искусствѣ, каковы гармонія, ритмъ, контрастъ, мѣра и проч. Отсюда ясно, какой огромной, движущей силой, какимъ орудіемъ развитія и совершенствованія можетъ явиться искусство, если дѣйствіе его такъ глубоко и всесторонне.

Однако, не слѣдуетъ забывать, что таже сила можетъ имѣть и обратное дѣйствіе, смотря по тому, какое направленіе ей будетъ дано. Все дальнѣйшее будетъ зависѣть отъ цѣли, какую преслѣдуетъ само искусство, а также и отъ того, какое искусство будетъ избрано, какъ предметъ эстетическаго воспитанія. Тѣмъ не менѣе, вводя искусство въ школу въ гораздо болѣе обширномъ объемѣ, нежели это дѣлалось до сихъ поръ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что самая первая цѣль такого нововведенія состоитъ въ томъ, что искусство, опираясь на чувствованія, глубоко захватывающія все наше существо, является могущественнымъ средствомъ къ всестороннему развитію и усовершенствованію органическихъ основъ психической личности, безъ чего не возможно ея дальнѣйшее развитіе ни въ моральномъ, ни въ общественномъ отношеніи. Такимъ образомъ, если уже въ своей органически-психологической основѣ эстетическое воспитаніе ведетъ къ установленію, повышенію и улучшенію симпатической связи и взаимодѣйствія между различными сторонами душевной дѣятельности въ предѣлахъ одного и того же человѣка, то къ такому же расширенію, повышенію и улучшенію симпатической связи приводитъ оно и въ границахъ цѣлаго общества и всего человѣчества. Что же касается спеціально чувства прекраснаго, которымъ такъ много и, къ сожалѣнію, такъ сбивчиво занимались прежніе эстетики, то оно не составляя исключительной цѣли всего искусства, которое должно быть правдивымъ воспроизведеніемъ жизни, со всѣми ея печальными сторонами, тѣмъ не менѣе это чувство властно проявляется тамъ, гдѣ природа, искусство и эстетическое воспитаніе прямо или косвенно ведутъ къ идеально гармоническому развитію

отдѣльнаго человѣка и къ осуществленію идеально гармоническихъ отношеній между людьми. Въ такомъ случаѣ чувство прекраснаго, какъ субъективный спутникъ объективно идеальной нормы, въ свою очередь разрѣшается въ эстетическое наслажденіе въ его многообразныхъ проявленіяхъ. Чувствованія этого рода знакомы каждому по опыту и каждый изъ собственнаго опыта знаетъ, что онѣ облагораживаютъ, возвышаютъ личность, заставляя отвлекаться отъ низменныхъ влеченій и какъ бы инстинктивно подталкивая въ завѣтную даль идеала, гдѣ синтетически сливаются благо, истина и красота. И этотъ синтезъ не есть метафизическая гипотеза гениальнаго философа древности, а имѣетъ за себя многія данныя положительной науки, какъ одна изъ величайшихъ проблемъ, къ осуществленію которой должно направляться органическое и нравственно-общественное будущее человѣчества.

Мы не затрагиваемъ здѣсь вопроса объ органическомъ воздѣйствіи каждаго изъ искусствъ, къ чему сводятся частныя дисциплины эстетическаго воспитанія съ органически-психологической точки зрѣнія. Напомнимъ только, что наибольшую сумму доказательствъ въ пользу такого воздѣйствія даетъ музыка и трагедія, въ чемъ современная опытная психологія вполне согласна съ гениальными мыслителями древности, Платономъ и Аристотелемъ. Такимъ образомъ эстетическое воспитаніе, при современномъ свѣтѣ науки, вновь пріобрѣтаетъ важное значеніе могучаго орудія въ дѣлѣ совершенствованія физическаго, эмоціональнаго, нравственнаго и умственнаго человѣка и съ этой точки зрѣнія есть ничто иное, какъ связываніе, координированіе всѣхъ названныхъ сторонъ въ гармониченія соотношенія, въ

одно гармонически-органическое цѣлое.

Заканчивая эту часть нашей бесѣды, оговоримся, что рѣчь идетъ о нормальномъ искусствѣ, о нормальномъ эстетическомъ воспитаніи. Что же касается отрицательныхъ, антипедагогическихъ воздѣйствій ненормальнаго искусства и эстетическаго воспитанія, то этотъ весьма интересный вопросъ, уже съ разныхъ сторонъ затрогиваемый въ общей и спеціальной литературѣ, вѣроятно, — въ свое время привлечетъ вниманіе и педагоговъ.

О средствахъ эстетическаго воспитанія мы скажемъ въ отдѣльной статьѣ.

Къ психологiи возраждающихся литературныхъ направленiй.

I.

Съ тѣхъ поръ какъ умеръ Тургеневъ и свѣтлая муза генiальнаго художника навсегда замолкла, повидимому, навсегда изсякло и то теченiе русской литературы, которое по справедливости слѣдовало бы назвать героическимъ. Да, нѣтъ больше въ нашей литературѣ тѣхъ идеальныхъ героевъ, которые, подобно мощнымъ образамъ народной эпопеи или классической драмы, заставляли трепетать сердца подростающихъ поколѣнiй, заставляли юношей спать съ драгоценной книжкой подъ головой, съ той книжкой, откуда почерпались образцы для подражанiя, примѣры мужества, сознание общественнаго долга, идеалы общественнаго служенiя. Какой-то томительный и смрадный вихрь пронесся надъ страной, опустошивъ и иссушивъ души, омрачивъ сознание и отравивъ чувства безумiемъ мистическихъ иллюзiй и болѣзненныхъ алканiй. Съ одной стороны появились требованiя какихъ-то новыхъ задачъ отъ литературы и искусства, которыя вскорѣ, однако, вмѣсто ожидаемаго углубленiя, расширенiя и утонченiя выразительныхъ эстетическихъ средствъ ¹⁾, стали довольно прозрачно сводиться къ самому грубому наркозу упавшихъ нервовъ и выродившейся чувствительности, къ усыпленiю ума и развращенiю общественной совѣсти. Съ другой стороны „кумирами“ и „властителями думъ“ читающей публики

¹⁾ Ожиданiя этого рода сами по себѣ вполне законны и умѣстны во всякое время—въ этомъ эволюцiя и прогрессъ технической стороны литературы и искусства.

явились писатели, отмѣченные печатью нравственнаго вырожденія, прошедшіе, Богъ знаетъ, черезъ какіе подонки и литературныя подворотни, сами окунувшіеся по уши въ грязный и вонючій развратъ и потому съ какимъ-то особенно дикимъ сладострастіемъ развращающіе своихъ юныхъ почитателей безстыднымъ, наглымъ, совсѣмъ ненужнымъ описаніемъ разныхъ отвратительныхъ сценъ, начиная съ насилія и разврата и кончая сценами грабежа и убійства! Въ лучшемъ случаѣ современные „кумиры“ и „властители думъ“ превращаютъ читателя въ зрителя, ведутъ его въ театральную залу на „художественное представленіе“ какихъ то провинціальныхъ барышень и никому ненужныхъ провинціальныхъ офицеровъ, глупо ноющихъ и ковыряющихся въ собственномъ ничтожествѣ и тѣмъ сладостно бередищихъ не меньшее ничтожество публики, собравшейся ихъ зрѣть. Въ концѣ концовъ литература и публика опустились до того, что ей преподнесли въ „герои“ промозглаго отъ сивухи и скотскаго образа жизни босяка, къ подозрительно выглядѣвшимъ портамъ котораго она торжественно и благоговѣнно приложилась, въ то время какъ попавшій „изъ грязи въ князи“ „властитель думъ“, безцеремонно показывалъ ей изъ своихъ портовъ...довольно таки увѣсистый кулакъ! Теперь смѣряйте то огромное разстояніе, которое прошла, въ своей эволюціи, русская литература отъ Тургенева до этого босяка и вы увидите, что тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься.

Среди небольшой группы приверженцевъ лучшихъ традицій русской литературы есть кучка неисправимыхъ оптимистовъ, которые, несмотря на повальное опьяненіе подавляющаго большинства нытиками и босяками, твердо вѣрятъ въ возрож-

деніе этихъ лучшихъ традицій. Они указываютъ на тотъ знаменательный фактъ, что даже представители босаяцкаго направленія возалкали „идеала“ и вмѣсто босаяка преподнесли намъ не такъ давно „мужика“ въ герои. Правда, это не былъ „мужикъ-герой“ въ прежнемъ народническомъ смыслѣ, вѣрнѣе „герой изъ мужиковъ“. Но такъ какъ мужикъ этотъ оказался порченнымъ и съ первыхъ же шаговъ началъ вести себя чисто по босаяцки, наводя на чужую мощну хитроумные капканы, то отъ него вскорѣ отказался, повидимому, и самъ авторъ. Съ другой стороны и нытиковское направленіе видимо подвинулось впередъ и какъ-бы къ лучшему. Самъ авторъ этого направленія давно уже отрясъ прахъ и очистилъ ту грязь, которой ему порядкомъ-таки пришлось зацѣпить во время оно, пройдя или вѣрнѣе прошествовавъ... на четверенькахъ черезъ литературныя подворотни бульварныхъ листковъ, забавляя почтеннѣйшую публику якобы „здоровымъ юморомъ“, въ дѣйствительности же пошло-скабреной приправой къ „выпить и закусить“ разныхъ приказчиковъ, парикмахеровъ и проч. Будучи студентомъ медицинскаго факультета и попавъ на университетскую скамью въ глухое и темное безвременье „брызгаловщины“, онъ отъ самой молодой юности отравился дешевкою портерныхъ, мебелировокъ, бульваровъ, мелкихъ и пошлыхъ студенческихъ дебошей, — какъ извѣстно между „акціями“ и „реакціями“ въ студенческой жизни тотчасъ же начинаютъ процвѣтать пошлое времяпровожденіе и дебоши, — и почувствовавъ вмѣстѣ съ тѣмъ литературное „призваніе“, излилъ всю эту скверну въ газетныхъ балаганахъ. Но по пословицѣ „noblesse oblige“, — авторъ вѣдь, какъ ни какъ, всетаки учился въ высшемъ

учебномъ заведеніи,—съ теченіемъ времени и развитіемъ „несомнѣннаго таланта“, —содержатель газетнаго балагана первый же и призналъ этотъ талантъ,—пришлось изъ литературныхъ задворокъ выбираться. Наслушавшись въ лекціяхъ покойнаго профессора Бабухина о законности и необходимости скептицизма въ наукаѣ, будущій основатель нынѣшнскаго направленія, попробоваль перенести эту точку зрѣнія на общественные идеалы и выразить ихъ въ художественный формѣ. Само собою разумѣется, сдѣлать литературный переходъ къ этого рода темамъ, оставаясь въ газетныхъ балаганахъ, было нельзя. Послѣ увеселительныхъ сюжетцевъ о похищеніяхъ пожарныхъ къ кухаркамъ для „тамошней“ публики подобный переходъ былъ бы „не по рылу“; къ тому же и хозяинъ балагана, не смотря на дружественное пошлепываніе по плечу и приятельское „тыканье“, не одобрилъ бы. Отсюда перекочевываніе въ толстые журналы, какъ болѣе подходящіе для новыхъ темъ,—отсюда начало извѣстности, успѣха, литературной славы и даже подслуживающагося заискиванія редакцій солидныхъ изданій съ пошатнувшейся репутаціей и падающей подпиской. Между тѣмъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что старая отравка дешевыхъ меблировокъ, портерныхъ, студенческихъ дебошей и мелкихъ газетныхъ листовъ крѣпко засѣла въ нравственномъ существѣ восходящаго литературнаго свѣтила и выводила свою ноту въ униссонъ къ общественному скептицизму молодаго писателя. Прикрываясь этимъ скептицизмомъ и невѣріемъ въ лучшіе, общественные идеалы, какъ щитомъ, и уступая вмѣстѣ съ тѣмъ порочнымъ внушеніямъ старой отравы и прежней закваски, молодой писатель пустилъ сильную пор-

нографическую струю въ своихъ новыхъ писаніяхъ и такимъ образомъ вновь угодилъ самымъ дешевымъ способомъ своей новой публікѣ, вѣрнѣе, ея извѣстной части. Успѣхъ былъ тѣмъ болѣе обезпеченъ, что за плечами молодого писателя стояли такіе столпы по части порнографіи, какъ Золя, Мопассанъ у насъ г. Боборыкинъ. ¹⁾ Къ тому же товаръ этого рода всегда ходко идетъ на литературномъ рынкѣ. Такъ продолжалось довольно долго, но собственно нытиковское направленіе еще не начиналось.

Мало по малу, однако порнографія прискучила и краски потускнѣли тѣмъ болѣе, что молодой писатель, будучи вообще неглупымъ человѣкомъ, въ одинъ прекрасный день сообразилъ, что расцвѣчивая свои адюльтеры, онъ въ сущности толчется все въ тѣхъ же, покойной памяти, дешевыхъ студенческихъ меблировкахъ, только цѣною подороже и что радости адюльтера съ „порядочными женщинами“ ничѣмъ особенно не лучше былыхъ радостей съ модистками и швейками. Правда тутъ есть и разница но не особенно высокаго калибра. Между порядочными женщинами не принято просить у своихъ возлюбленныхъ на „жакетъ“ и „ботики“, какъ это дѣлаютъ модистки и швейки, но и между послѣдними встрѣчаются особы, которыя не обременяютъ подобными просьбами „честныхъ господъ“. Зато „по-

¹⁾ Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что двое первыхъ съ годами уgomили свои порнографическіе аллюры. Не то г. Боборыкинъ. съ годами его Пегасъ, можно сказать такъ и брызжетъ адюльтеромъ... Впрочемъ, что же и винить г. Боборыкина! Самъ «великій писатель земли русской» своей «Крейцеровой сонатой»—произведеніемъ, безконечно болѣе развратнымъ, чѣмъ всѣ порнографіи въ мірѣ—освѣтилъ эту гнусную тенденцію оплевыванія женщины и выставленія на позорище ея естественныхъ правъ на любовь, какъ она дана человѣку, не справляющемуся съ ходячими кодексами условной морали. И потомъ почему же именно женщины во всемъ виноваты, а не мужчины, которые въ миллионъ разъ ихъ развратнѣе.

рядочный“ адюльтерь грозить другого рода шипами и терніями... Съ другой стороны адюльтерь имѣеть скверныя свойства разрѣшаться иногда вмѣсто пошлой комедіи не менѣе пошлой трагедіей, какъ это случилось, напр., съ „дамой съ собачкой“. И въ такомъ случаѣ нашъ писатель, въ этотъ періодъ уже ставшій знаменитымъ, не поднялся выше предразсудковъ толпы и, расшаркавшись передъ ней широкимъ поклономъ, поспѣшно юркнулъ за свои писательскія ширмочки съ видомъ чловѣка себѣ-на-умѣ. Ни разу не обнаруживъ такимъ образомъ ни истинной высоты и благородства духа, ни истиннаго сознанія нравственной отвѣтственности передъ великимъ призваніемъ всякаго выдающагося таланта, нашъ авторъ задумалъ приподняться на слѣдующую, высшую ступеньку своей литературной эволюціи. Подымаясь на эту высшую ступень, уже нельзя было прикрываться далѣе дешевымъ скептицизмомъ и одновременно продѣлывать литературно-порнографическій спортъ. И вотъ дешевый порнографическій скептицизмъ послушно преобразуется въ „историческій пессимизмъ“, какъ многозначительно выразился одинъ изъ современныхъ „модничающихъ“ критиковъ, взявшихъ за правило держать носъ по вѣтру....Еще бы не впасть въ „историческій пессимизмъ“, съ молоду истаскавшись по дешевкамъ, а затѣмъ почти никогда, какъ слѣдуетъ, не вылѣзая изъ низменныхъ круговъ разной мелкой литературной и иной пошлой братіи! Такъ или иначе, но „историческій пессимизмъ“ сыгралъ свою роль и съ этого именно момента народилось подлинное нытиковское направленіе: нытикъ и босякъ по-

дали другъ другу руки ¹⁾. Тѣмъ не менѣе вполнѣ очевидно, что ни отъ нытиковъ и ни отъ босяковъ ждать намъ литературнаго возрожденія, на какія бы высокія ступеньки ни старались они подняться и какъ бы ихъ не раздувала дешевая репортерская критика съ ея жалкимъ полужнаниемъ и невѣжествомъ, короткой памятью и лакейской угодливостью передъ вкусами дня. Та грязь, которой они отравились въ молодости и которой отравляютъ своихъ читателей, уже никогда не отмоется отъ ихъ талантовъ. Еще менѣе должны мы ожидать подобнаго возрожденія отъ декадентовъ, ищущихъ якобы „новой красоты“, въ дѣйствительности же страдающихъ болѣзненнымъ извращеніемъ ихъ личности, какъ нервно-психическаго организма, которыхъ поэтому странно было бы брать въ серіозъ; нечего ждать также и отъ тѣхъ авторовъ профес-

¹⁾ Начинаящееся увлеченіе босяцкой литературой за границей и печально и комично: пресътившись всѣми новинками и кривляніями *fin de siecl'* я, тамъ не нашутку, кажется, воображаютъ, что босяки серіозная социальная сила, угрожающая повернуть и возродить общество къ новой жизни;—однимъ словомъ иѣчто вроде „сверхъ человѣковъ“ грядущаго социальнаго обновленія—на все дерзающихъ. Въ дѣйствительности же это просто хроническіе алкоголики, отъ которыхъ вѣчно пахнетъ перегаромъ, подобно вообще алкоголикамъ,—утратившіе всякое нравственное чувство, откуда ихъ чисто импульсивная наклонность къ разврату, насилию, грабежу, убійствамъ. Правда, они скрашиваютъ свои „подвиги“ извѣстнаго рода социальной философией, которая и подкупаетъ неопытныхъ читателей: но социальная философія алкоголиковъ есть ничто иное, какъ своего рода симуляція и психическое прикрытіе порочныхъ наклонностей и гнусныхъ животныхъ инстинктовъ, какъ это хорошо извѣстно психіатрамъ....Такого рода „социалистъ“ послѣ горячей, краснорѣчивой и, повидимому, убѣжденной бесѣды на социальные темы можетъ немедленно пролать всякаго за шкаликъ водки и.... вновь прикрыться социальной философией на этотъ разъ иного рода, ускользая и мѣняясь, какъ протей. Достаточно быть просто умнымъ и наблюдательнымъ человѣкомъ, чтобы и безъ всякихъ психіатрій отгадать, что у этихъ господъ иѣтъ и не можетъ быть никакихъ убѣжденій и что было бы въ высшей степени печально мѣшать ихъ въ одну кучу съ рабочимъ пролетаріатомъ, постепенно сознающимъ свою личность.

сионалистовъ, которые уже давно превратили литературу въ ремесло репортера, т. е. въ механическое искусство описывать индивидуальную и общественную жизнь человѣка, нисколько не участвуя въ томъ собственной душою.... Къ таковымъ принадлежать, за немногими счастливыми исключеніями, большинство остальныхъ „извѣстныхъ“ писателей съ г. Боборыкинымъ во главѣ, который страннымъ образомъ гдѣ-то всегда отсутствовалъ во всѣ истинно героическіе моменты русской общественной жизни, и только Левъ Толстой, подобно колоссу, выситя среди этихъ писателей репортеровъ и ремесленниковъ—профессіоналистовъ. Но, увы! этотъ колоссъ уже давно принадлежитъ къ „сбившимся съ пути“ геніямъ и не ему, запутавшемуся въ собственныхъ тенетахъ, вывести общество на свѣтлый путь нормальнаго общественнаго искусства, столь печально утраченный русской литературой со смертію Тургенева Не мудрено если подчасъ невольно и горько думается, не умерла ли со смертію этого незабвеннаго писателя и вся русская литература!

II.

Среди множества беллетристическихъ разсказовъ, выходившихъ въ послѣднее время отдѣльными сборниками, „Печальные разказы“ г-жи Вальтеръ обращаютъ на себя особенное вниманіе. Авторъ выступаетъ въ литературѣ впервые и на нашъ взглядъ обнаруживаетъ всѣ признаки несомнѣннаго дарованія: наблюдательность, образность въ связи съ идейностью и единствомъ настроенія; память и живое воображеніе; непосредственное и правдивое изображеніе дѣйствительности; умѣнье выдвигать существенное и отбрасывать подробности наряду съ мастер-

скимъ расположеніемъ художественныхъ контрастовъ, черезъ которые какъ бы проходить рядъ связующихъ аккордовъ въ формѣ единой идеи; наконецъ, своеобразная простота и сжатость стиля, пользуясь особенностями котораго авторъ какъ бы отдаетъ нарочитую дань трагической, чуждой всякой сентиментальности, суровости общаго тона. Къ сожалѣнію, эти положительныя стороны затемняются нѣкоторыми неровностями и шероховатостями письма, — недостатокъ, зависящій, можетъ быть, отъ своего рода литературнаго одиночества автора и связанной съ нимъ невыписанности стиля, такъ какъ то гуманное направленіе, къ которому, видимо, всей душой тяготѣетъ авторъ, въ послѣднее время положительно было загнано и обречено на одиночество въ нашей литературѣ.

Обращаясь къ содержанію рассказовъ, вполне отвѣчающему избранному авторомъ эпиграфу изъ Гете („О солнцѣ и мірахъ мнѣ нечего сказать, я вижу только, какъ мучаются люди“, слова Мефистофеля въ прологѣ „Фауста“,) мы хотѣли бы обратить вниманіе читателей на три изъ этихъ рассказовъ, имѣющихъ особенное значеніе для переживаемой нами дѣйствительности.

Первый изъ нихъ носитъ названіе „На курсы“... Этотъ ретроспективный рассказъ представляетъ собою значительный интересъ для всѣхъ тѣхъ, кто пожелалъ бы вполне безпристрастно изучить по совершенно согласнымъ и вѣрнымъ съ исторической дѣйствительностью „литературнымъ документамъ“ психологію умственно-и нравственно-общественныхъ настроеній нашей передовой молодежи. Кажется, еще никто у насъ не задавался специально подобной темой, а между тѣмъ въ

виду всѣмъ извѣстныхъ, постоянно волнующихъ общество, событій, тема была бы самой подходящей и одной изъ наиболѣе поучительной для текущаго момента. Извѣстно, какую важную и подчасъ незамѣнимую услугу оказываютъ общественнымъ историкамъ и публицистамъ литературные документы подобнаго рода. Они раскрываютъ внутреннюю психологическую сторону тѣхъ явленій, которыя обыкновенно проходятъ передъ глазами общества лишь своей внѣшней, механической стороной. Въ частности рассказъ г-жи Вальтеръ „На курсы“ рисуетъ внутреннюю картину состоянія умовъ и нравственно-общественное настроеніе передовой молодежи второй половины и конца 70-хъ годовъ. Памятное это время, съ его народническими и иными идеалами, конечно, прошло, но безъ тщательнаго, подробнаго и вполне безпристрастнаго изученія этого періода непонятна будетъ дальнѣйшая эволюція въ общественныхъ идеалахъ молодежи послѣдующихъ поколѣній. И это тѣмъ болѣе, что то, что описываетъ г-жа Вальтеръ, далеко не общеизвѣстно. Такъ, напр., теперь не рѣдкость встрѣтить ходячее мнѣніе, что будто бы г. Михайловскій былъ главаремъ и своего рода вождемъ поколѣнія 70-хъ годовъ. Изъ бесѣдъ дѣйствующихъ лицъ въ рассказѣ г-жи Вальтеръ не трудно убѣдиться, что въ дѣйствительности г. Михайловскій далеко не былъ во главѣ движенія и что въ этомъ отношеніи, по странной несправедливости судебъ, онъ напрасно заслоняетъ собою крупную фигуру автора „Историческихъ писемъ“, которому и принадлежало первое мѣсто.... Что же касается г. Михайловскаго, то онъ былъ лишь весьма уважаемымъ авторомъ серіозныхъ соціологическихъ темъ и интересныхъ статей, которыхъ, къ сожалѣнію тог-

дашней молодежи, никогда однако не кончалъ; затѣмъ-писателемъ, который, по словамъ одного изъ персонажей г-жи Вальтеръ, „ближе всѣхъ къ намъ“, т. е. къ семидесятникамъ, очевидно не только не считавшимъ его своимъ главаремъ, но даже и вполне „своимъ человѣкомъ“.... Къ сожалѣнію, историческая перспектива и мѣра всего чаще з. бываю-тся. Далѣе нерѣдко приходится слышать, что тог-дашняя молодежь, увлекавшаяся народничествомъ, что называется и не нюхала Маркса; въ дѣйстви-тельности же въ умственномъ развитіи тогдашней молодежи вслѣдъ за авторомъ „Историческихъ пи-семъ“ главнѣйшее мѣсто занималъ Марксъ, только на ученіе Маркса смотрѣли въ то время не съ той точки зрѣнія, съ какой стали смотрѣть впослѣдствіи. Наконецъ не менѣе распространень предразсудокъ, будто бы семидесятники не признавали никакой литературы кромѣ писаній г. г. Златовратскаго и Успенскаго. Между тѣмъ ни г. Златовратскій, ни Глѣбъ Успенскій отнюдь не были слѣпо обожаемыми кумирами молодежи и выразителями ея идеаловъ, до такой степени не были, что г. Златовратскій, рано завоевавшій симпатіи тогдашней молодежи, однимъ изъ первыхъ рассказовъ „Крестьяне присяж-ные“, вслѣдъ затѣмъ началъ терять своихъ счита-телей, благодаря болѣе чѣмъ странному идолопоклон-ству передъ народомъ, съ отрицательными свойст-вами котораго молодежь, стремившаяся въ народъ, не замедлила познакомиться. Симпатіи молодежи къ произведеніямъ г. Златовратскаго прогрессивно убы-вали и позднѣйшія фракціи семидесятниковъ едва ли даже заглядывали въ его писанія. Преувеличива-ніемъ было бы возносить на особую высоту и Глѣ-ба Успенскаго, какъ это пытаются дѣлать эпигоны

„Отечественныхъ записокъ“. Глѣба Успенскаго любили за его безпристрастный анализъ деревни и полнѣйшее отсутствіе оптимистическаго подслащиванія „мужичка“ въ духѣ г. Златовратскаго, но далеко не возводили въ кумира. Благодаря этому Глѣбъ Успенскій, также какъ и г. Златовратскій, и также какъ самъ г. Михайловскій были лишь людьми близкими молодежи, но отнюдь не руководителями ея въ какомъ бы то не было отношеніи. Еще менѣе годился въ кумиры покойный Щедринъ. Говоря откровенно, многіе изъ тогдашней молодежи считали литературную дѣятельность знаменитаго сатирика легкомысленной и не гармонирующей съ серьезными цѣлями настоящаго борца за общественные идеалы. И только тогда стали цѣнить эту дѣятельность, когда началъ „расти и возвышаться“ талантъ у Щедрина, какъ выражается одинъ изъ героевъ разсказа г-жи Вальтеръ. Другими словами, когда Щедринъ перешелъ изъ пошлой сферы оплевыванія мелкихъ сошекъ къ истинно трагическимъ мотивамъ высокой общественной сатиры. Напротивъ Некрасовъ, незадолго передъ своей смертью, вновь сталъ было „властителемъ думъ“ молодежи, какимъ онъ былъ когда-то для предшествующаго поколѣнія, до своего грѣхопаденія, связаннаго съ закрытіемъ „Современника“. Но это была лишь предсмертная вспышка умирающаго огонька. Кто-же, въ такомъ случаѣ, изъ художниковъ слова,—мыслителей оставимъ въ сторонѣ,—былъ властителемъ думъ поколѣнія семидесятыхъ годовъ? Увы! Не смотря на всѣ свои недоразумѣнія и ссоры съ молодежью и главарями публицистической критики, таковымъ по прежнему оставался Тургеневъ. Этотъ замѣчательно чуткій къ запросамъ времени талантъ и вы-

сокопросвѣщенный умъ, истинный представитель героическаго направленія въ русской литературѣ, которое послѣ него совершенно изсякло, неустанно слѣдовалъ за движеніемъ вѣка. „Отцы и дѣти“ и „Наканунъ“,—въ такую именно хронологію старались ставить эти произведенія въ то время, обратно дѣйствительной,—т. е. какъ бы двѣ стадіи въ развитіи одного и того же идеала, были тѣмъ могучимъ органически-художественнымъ внушеніемъ, которое навсегда запечатлѣлось неизгладимыми чертами въ душахъ юныхъ семидесятниковъ, когда это поколѣніе сидѣло еще на школьныхъ скамейкахъ. Можно сказать, что во всей всемірно-исторической литературѣ не было примѣра такой власти художественной иллюзіи надъ реальнымъ преобразованиемъ стремленій личности. Поэтому, когда старшіе представители семидесятыхъ годовъ вступили въ дѣйствіе, то было совершенно въ порядкѣ вещей, чтобы младшіе представители того же поколѣнія стали ожидать опять отъ Тургенева же, и никого другого, художественнаго воплощенія новыхъ идеаловъ и стремленій. Злополучная „Новь“, какъ извѣстно, не вполне оправдала эти ожиданія, но союзъ Тургенева съ молодежью, какъ самага благороднаго, просвѣщеннаго, искренняго и честнаго истолкователя идеальныхъ стремленій молодыхъ поколѣній передъ обществомъ и исторіей, тѣмъ не менѣе навсегда былъ закрѣпленъ въ знаменитой „встрѣчѣ“, устроенной Тургеневу молодежью въ публичномъ засѣданіи „Общества Любителей Россійской Словесности“ въ концѣ 70-хъ годовъ въ Москвѣ. Съ тѣхъ поръ много воды утекло, но кто пережилъ тѣ памятные минуты, никогда ихъ не забудетъ. Вотъ этотъ-то эпизодъ исторически вѣрно воспроизведенъ въ рассказѣ

г-жи Вальтеръ „На курсы!“ Изъ этого же разсказа видно, что въ частности учащаяся молодежь нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній не о хлѣбѣ единомъ живетъ, что помимо формальныхъ цѣлей своего пребыванія въ высшихъ образовательныхъ учрежденіяхъ, она стремится еще къ выработкѣ нравственно-общественныхъ идеаловъ для своей послѣдующей дѣятельности, не написанныхъ ни въ какихъ программахъ и правилахъ. Эти благородныя и возвышенныя нравственно-общественныя стремленія, которыя по настоящему должны-бы всего болѣе цѣниться въ юношахъ, какъ будущихъ гражданахъ, въ свою очередь должны быть приняты во вниманіе при готовящемся преобразованіи университетовъ и получить свое законное мѣсто.

Другой разсказъ въ сборникѣ г-жи Вальтеръ, на которой мы хотѣли бы обратить вниманіе читателей, матерей и педагоговъ, это „Вѣрочка Михайлова“. Это разсказъ, рисующій въ живыхъ краскахъ нравственное переутомленіе учащихся дѣвочекъ, зависящее отъ мелкой тирании классныхъ дамъ и начальницъ нашихъ учебныхъ заведеній надъ ввѣреннымъ ихъ „сердечному попеченію“ дѣтьми. Разсказъ этотъ представляетъ цѣнный вкладъ въ нашу педагогическую литературу въ качествѣ правдиваго „документа“ къ живому и наболѣвшему вопросу текущей современности. Г-жа Вальтеръ превосходно знаетъ „горе русскихъ матерей“ и за это послѣднія особенно будутъ ей благодарны.

Весьма сильное впечатлѣніе производитъ разсказъ „Опоздала“, центръ дѣйствія котораго въ чувствахъ матери, не поспѣвшей на послѣднее свиданіе съ сыномъ.

Въ общемъ мы можемъ привѣтствовать сборникъ г-жи Вальтеръ, проникнутый единымъ настроеніемъ, можетъ быть, еще какъ очень слабую, и несовершенную попытку къ возрожденію того гуманнаго альтруистически-самоотверженнаго направленія, которое такъ дорого было поколѣнію семидесятниковъ и которое господа, держащіе носъ по вѣтру, поторопились похоронить ¹⁾. Это тѣмъ болѣе, что авторъ, видимо, описываетъ въ 70-хъ годахъ лишь то, что самъ кровно пережилъ и перечувствовалъ. Вѣдь что-бы не говорили-ли о психологіи художественнаго творчества, и какъ бы не отличали творческое, постростительное воображеніе отъ простаго воспроизведенія, оно сильно лишь тогда, когда органически опирается въ своихъ эстетическихъ сочетаніяхъ на личныя переживанія, чаянія, убѣжденія и идеалы самихъ авторовъ, отражающихъ въ своихъ произведеніяхъ ту или иную общественную эпоху; и въ особенности это вѣрно, какъ показываетъ изученіе исторіи литературы, для художественнаго воспроизведенія „героическихъ эпохъ“. Примѣры безымянныхъ авторовъ Иліады и Пѣсни о Роландѣ — ихъ не нужно смѣшивать съ исполнителями — ремесленниками, рапсодами и жонглерами, — примѣры Эсхила, Данте и Мильтона, создавшихъ столь героическія по духу произведенія, какъ Прометей, Божественная Комедія и Потерянный Рай, могутъ служить краснорѣчивымъ тому

¹⁾ «Мертвыхъ похоронили!» вотъ развязный и пиничный припѣвъ, которымъ еще такъ недавно демонстрировалъ противъ семидесятниковъ одинъ изъ новыхъ критиковъ, хвастливо пыжившихся открывать яко-бы новые горизонты передъ читателями съ короткой памятью, пока его самого — не похоронили! Теперь, когда затрещала его собственная шкура, онъ навѣрное внезапно прозрѣетъ и пойметъ, какъ кощунственно было смѣяться надъ тѣми, которыхъ заживо хоронять.

подтвержденіемъ, такъ какъ въ этихъ возвышенныхъ и благородныхъ произведеніяхъ прежде всего отразилась благородная, возвышенная и вмѣстѣ съ тѣмъ героическая природа самихъ авторовъ, на что имѣются вѣскія историческія данныя *). Съ другой стороны французская классическая трагедія никогда не создалась-бы изъ пустой подражательности греко-латинскому классицизму, еслибы за спиной Монтеней, Декартовъ и Корнелей не лежалъ героическій опытъ религіозныхъ и гражданскихъ войнъ.

Какъ бы ни были скромны въ сравненіи съ названными колоссами произведенія нашего автора, но и въ нихъ чувствуется огонь чистыхъ и высокихъ помысловъ стойкаго, убѣжденнаго человѣка, юность котораго принадлежитъ благородному, идейному и героическому поколѣнію. Поэтому пусть представители новаго поколѣнія прочтутъ эту книжку, какъ своего рода литературный документъ, ко-

*) Къ сожалѣнію, научная психологія, начинающая интересоваться художественнымъ творчествомъ, еще весьма далека отъ изысканій подобнаго рода. Съ одной стороны потому, конечно, что это весьма сложные вопросы, гораздо болѣе трудные для рѣшенія, чѣмъ разныя «*L'imagination chez les animaux*», «*L'imagination chez l'enfant*», «*L'homme primitif et la creation des mythes*» и проч., занимающія изслѣдователей, подобныхъ Рибо, съ другой стороны тѣ же вопросы требуютъ столь обширной эрудиціи и начитанности по исторіи, исторіи литературъ, искусствъ, и проч., передъ которой г. г. опытные психологи совершенно пасуютъ, стараясь заполнить прорѣхи недостающаго образованія разнымъ ходячимъ матеріаломъ сомнительнаго достоинства. Наконецъ, г. г. опытные психологи и мнящія себя таковыми, подъ предлогомъ яко-бы «объективности», безмолвно устраняются отъ изслѣдованія вопросовъ имѣющихъ такъ или иначе живую общественную окраску... у нихъ еще нѣтъ вкуса къ этому! И самая пресловутая ихъ «объективность», за которую они прячутся, есть ничто иное, какъ своего рода схоластическая отсталость.

Такъ или иначе, но мы намѣрены подробно разработать намѣченную нами здѣсь тему въ одномъ изъ этюдовъ предполагаемой нами серіи «Очерковъ по психологіи искусства и художественнаго творчества», для чего уже и подготовили весьма обширный и весьма интересный матеріалъ.

торый можетъ лишь посодѣйствовать взаимному пониманію другъ друга. Въ этомъ взаимномъ пониманіи поколѣній и единствѣ сознанія—залогъ общественнаго синтеза и будущихъ успѣховъ. Съ своей стороны мы всего болѣе желали бы появленія именно такихъ ретроспективныхъ рассказовъ, какъ связующаго звена, наиболѣе содѣйствующаго возрожденію лучшихъ традицій литературы. Для того, чтобы возстановить порваную традицію, нужны авторы и таланты, которые навсегда сохранили въ своей душѣ впечатлѣнія, чувства и идеи, почерпнутыя ими въ юности, въ первоисточникѣ этой традиціи, и которые затѣмъ уже никогда не измѣняли идеаламъ своей юности, терпѣливо дожидаясь въ тиши одиночества и безвѣстности, когда настанетъ ихъ часъ. Въ этой передачѣ живой традиціи живыми людьми и заключается существенное психологическое условіе къ возрожденію благородныхъ, возвышенныхъ, героическихъ литературныхъ направленій. И сами эти авторы, не поддавшіеся на соблазны безвременья, и сохранившіе свою личность чистой среди общаго нравственнаго разложенія и пошлости уже по одному тому несомнѣнные герои, какъ-бы не были они одиноки. Въ этомъ, между прочимъ, ручается и то величественное молчаніе, которымъ обыкновенно встрѣчаютъ такихъ авторовъ господа, завладѣвшіе литературной сценой и раздающіе „безсмертіе“ изъ своихъ журнальныхъ и газетныхъ лавочекъ всѣмъ приспособившимся хлебать изъ одного съ ними... корыта.

Того же автора печатаются:

Ученіе о личности. Вып. II.

**Эволюція нашей художественной
и публицистической критики.**

Н. К. Михайловскій и его предшественники.

Цѣна 60 коп.